ЮСТУС ХРИСТИАН ФОН ЛОДЕР (1753—1832) И МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Ю. САЛАКС

Рига

Московский университет — центр просвещения в России — был основан и открыт в 1755 году в составе трех факультетов: философского, медицинского и юридического.

Лодер, чье имя украшало этот университет с 1818 по 1831 г., и его несомненные заслуги в академическом преподавании медицинских дисциплин и создании первого анатомического театра в Москве, отличающегося обширностью и редкостной анатомической коллекцией, заставляют нас прежде всего вернуться к истории университета до появления в нем анатома с мировой известностью.

Первоначально университет был более средней, чем высшей школой. И потребовалось почти полвека, чтобы новым уставом университета (1804 г.) высшее образование стало прямым и главным назначением Московского университета. Были образованы четыре отделения (факультета) и число специальностей (кафедр) было расширено с 10 до 29. Теперь в отделение врачебных (или медицинских) наук входило 6 специальностей: 1) анатомия, физиология и судебная врачебная наука, 2) патология, терапия и клиника, 3) врачебное веществословие, фармация и врачебная словесность, 4) хирургия, 5) повивальное искусство, 6) скотолечение¹.

В Москву были приглашены многие профессора из-за границы, а способная русская молодежь направлялась для изучения наук и постановки университетского преподавания.

¹ Шевырев С. История Императорского Московского Университета. — Москва, 1855. — С. 356—358.

давания в лучшие европейские университеты. В результате к моменту вторжения Наполеона в Россию в Московском университете насчитывалось 37 преподавателей-профессоров и адъюнктов². Как и прежде преобладали немцы, после 1804 года они представляли из себя достаточно известные научные имена: профессор словесности — Иван Андреевич Гейм (1758—1821), знаменитый профессор натуральной истории, друг Гете и Гумбольта — Григорий Иванович Фишер фон Вальдгейм (1771—1853), профессор ботаники из Геттингена — Георг Франц Гофман (1766—1826), доктор медицины и хирургии, заслуженный профессор химии — Фердинанд Фридрих Рейс (1778—1852), доктор права, первый преподаватель политической экономии в Московском университете, профессор — Христиан Августович Шлецер (1776—1831), профессор философии — Филипп Христиан Рейнгард (1764—1812), доктор медицины, ординарный профессор ветеринарной науки — Теобальд Реннер (1779—1850) и другие. Любавский дает им следующую характеристику: *«Большинство немцев, преподававших в нашем университете перед 1812 годом, были действительно люди науки, занимавшиеся своим делом по внутреннему своему призванию, по приезде в Россию не утратившие того научного одушевления, тех чувств, понятий, вкусов и привычек, которыми они успели проникнуться у себя на родине, в своих университетских городах и городках»*³.

После принятия нового устава стали быстро пополняться и действовать за счет средств университета и пожертвований многие учебно-вспомогательные подразделения. Образованный таким образом Музей натуральной истории в 1805 году стал даже доступным для публики и снискал славу известного европейского музея⁴.

Отечественная война 1812 года на время расстроила размеренную академическую жизнь университета, но пламя московского пожара не истребило того существенно, что пустило здесь корни после реформы 1804 года. Более того, восстановление учебного процесса способствовало окончательному превращению университета исклю-

² Попов Н. А. Московский университет после 1812 года // Русский Архив. — 1881. — Кн. 1. — С. 386.

³ Любавский М. К. Московский университет в 1812 году. — Москва, 1913. — С. 32.

⁴ Шевырев С. — Указ. соч., стр. 369—372.

чительно в высшую школу. Из университета исчез гимназист со своим учителем, по праву уступая место студенту со своим профессором. К быстро восстанавливаемым зданиям университета присоединялись новые. Среди них и Анатомический театр — детище Лодера, с его известной коллекцией анатомических препаратов.

Путь самого Лодера к заведованию кафедрой в Московском университете был не простой. Его предшествующая учебно-педагогическая деятельность в университете в Иене и Галле заставляет нас думать, что после переезда в Россию он должен был выбрать себе и в дальнейшем такое же поприще деятельности. Но этого не случилось, и лишь со временем Лодер сблизился с университетом. И среди множества объективных причин тому, пожалуй, самой действенной была характерная для него предвзятость, откровенное недолюбливание и в последующем многочисленные конфликтные ситуации как с руководством университета, так и с отдельными профессорами, в особенности с Е. О. Мухиным.

Что же представляли из себя анатомические институты Московского университета до появления в нем Лодера? Медицинский факультет, образованный в числе первых при учреждении университета в 1755 году, начал нормально функционировать лишь по окончании Семилетней войны (1756—1763). В 1764 году на кафедру анатомии и хирургии был приглашен уроженец Страсбурга профессор Иоганн Фридрих Эразмус (умер в 1777), бывший в течение 20 лет московским городским акушером. Кроме анатомии он преподавал хирургию и «бабичье искусство» (акушерство). Карузин приписывает ему и создание первого анатомического театра в России, но там же дает обстоятельное объяснение, что *«это было более чем скромное помещение, в котором изредка проводились вскрытия трупов»* и далее: *«...имеющиеся до Лодера (анатомические театры), по-видимому, можно скорее назвать кабинетами анатомическими, прозекториями и притом очень скромными по размерам и обстановке»*⁵.

С 1768 года кафедру анатомии возглавлял Семен Герасимович Зыбелин (1735—1802) — первый студент и

⁵ Карузин П. И. Краткая история анатомических институтов при Московском государственном университете // Отчет... за 1925/26. — Москва, 1927. — С. 460, 468.

первый русский профессор на медицинском факультете. Он выделялся красноречием и трудолюбием, ибо много читал помимо основного курса анатомии — хирургию, практическую медицину, химию и врачебное веществоведение. В его бытность преподаватели и слушатели кафедры сами готовили анатомические препараты костей и внутренних органов, которые использовались для демонстрации на занятиях.

В Московском университете ощущался недостаток титулованных преподавателей, поэтому не случайно после Зыбелина с 1777 по 1804 год кафедру возглавлял венгр Франц Францевич Керестури (1735—1812). И как отмечают его биографы, он *«показывал строение человеческого тела на трупах, разнимая и приготавливая оные, а, дабы точнее определить действие многих частей одушевленного человеческого тела, показывал строение их в живых животных разного рода; для рассмотрения же тончайшего строения малейших частей в помощь употреблял микроскоп»*⁶. Его многолетнее заведование кафедрой укрепило традицию планомерного проведения анатомических демонстраций на человеческих трупах.

В последующий период курс анатомии читал до 1811 года — ординарный профессор Иван Федорович Венсович (1769—1811), с 1809 года — Илья Егорович Грузинов (1781—1813), который вернулся из Англии, где он практически изучал анатомию и особенно искусство препаратов и начал читать курс лекций о строении человеческого тела. Обретенные за границей навыки изготовления препаратов он применил на практике в Московском университете, и как отмечает Бочаров: *«Посетители музея с восхищением осматривали, например, его препараты человеческого глаза, казавшегося «живым»». По технике изготовления и внешнему виду препараты И. Е. Грузинова не уступали известным препаратам Рюйша»*⁷.

Во время пожара 1812 года помещения кафедры анатомии, в том числе и анатомический музей, сгорели. Вой-

⁶ Карузин П. И. Там же, стр. 461.

* Рюйш Фридрих (1638—1731), Лейденский анатом. Его анатомическую коллекцию купил Петр I.

⁷ Бочаров В. Я. К истории развития анатомического музея кафедры анатомии человека I ММИ им. И. М. Сеченова // Арх. анат. гистол. и эмбриол. — 1979. — № 10. — С. 75.

на расстроила и учебный процесс на медицинском факультете. В период с 1813 по 1818 год ежегодно выпускалось только по четыре врача. Практически кафедра анатомии в 1812 году оставалась без руководителя, и это мог быть еще один удобный момент для Лодера перейти на службу в университет. Увы, нет никаких доказательств того, что он об этом помышлял. Напротив, он выбрал военную карьеру и предложил правительству свои услуги по организации участи раненых и больных в Москве, а позже и в Елатье, Касимове и Меленках, где им был устроен и руководим самый большой в военно-медицинской истории временный госпиталь на 30 000 человек. Это был для него, пожалуй, самый трудный и в то же время самый счастливый период жизни. Граф Ф. В. Ростопчин* в своих воспоминаниях дает точно помеченную характеристику: «[больные] были размещены, покормлены и пользовались хорошим уходом, благодаря заботливости и деятельности профессора Лодера, которого я назначил начальником всех госпиталей и которого его просвещение и человеколюбие доставило лучшую из всех наград: возможность сказать, что «из такого-то числа больных и раненых я спас столько-то и столько-то»»⁸.

Тем временем с 1813 года кафедрой анатомии стал руководить профессор Ефим Осипович Мухин (1766—1850). Известное лицо в русской истории медицины, который в числе других отечественных ученых наметил контуры самобытной русской медицинской школы начала XIX века. Некоторые исследователи называют его патриотом отечественной науки, ссылаясь на то, что он издал семитомный «Курс анатомии» на русском языке (первым учебником по анатомии на русском языке была «Сокращенная анатомия» академика Императорской медико-хирургической академии, профессора анатомии и физиологии Петра Андреевича Загорского, вышедшая в 1802 году) и читал лекции по анатомии вопреки установившимся традициям не на латинском, а на русском языке. Впро-

* Ростопчин Федор Васильевич (1763—1826) — граф, русский государственный деятель; в Отечественную войну 1812 года московский генерал-губернатор.

⁸ Ростопчин Ф. И. Воспоминания // Русская старина. — 1889. — Т. 19. — С. 718.

чем, именно это станет впоследствии самым уязвимым в споре между Мухиным и Лодером, которые, увы, открыто недолюбливали друг друга. Известна и некая личная обида Мухина на немцев, в особенности проживающих в России, что было замечено и его же студентами и воспроизведено как одно из рассуждений во время лекции. «...эти немцы, иноземцы, чуждых стран уроженцы, пришельцы, беглецы, проходимцы, наукою не занимаются, латинского языка не знают, нашего отечественного языка не понимают, не разумеют, знать не хотят, лекций не слушают, профессоров не уважают; из них выходят неучи, лжецы, знахари, коновалы, вообще сказать вредные невежды и негодяи»⁹. Характер Мухина был не из покладистых, но и его соперник в лице Лодера не уступал в капризах, достойных его положения. Вместе с тем историки, дающие характеристику Московского университета начала XIX столетия, справедливо отмечают: «На медицинском факультете первенствовало созвездие Лодера, Мудрова и Мухина»¹⁰.

Мухину пришлось восстанавливать не только учебный процесс на кафедре, но и сгоревшие наглядные пособия. Анатомический театр — одна из самых посещаемых лабораторий в период обучения медицинскому ремеслу. Поэтому вполне понятным было желание Мухина восстановить анатомический музей. «С этой целью он с преподавателями и студентами изготовил более 800 новых музейных препаратов, составляющих основной фонд восстановленного анатомического музея кафедры анатомии. Благодаря большим усилиям всей кафедры, помощи студентов и руководству проф. Е. О. Мухина анатомический музей был вновь возрожден»¹¹. Вышеприведенный вывод нам представляется весьма спорным ввиду не совсем корректного использования слова «музей» в контексте с назначением и использованием анатомического собрания. Со своей стороны мы бы предложили называть конкретное собрание анатомических препаратов учебной анатомической коллекцией.

Московский университет уже в прежние времена сла-

⁹ Толстой М. В. Мои воспоминания // Русский архив. — 1881. — Кн. 2. — С. 49—50.

¹⁰ Кизеветтер А. Московский университет // Московский университет 1755—1930 / Юбилейный сборник. — Париж, 1930. — С. 93.

¹¹ Бочаров В. Я. — Указ. соч., стр. 75.

вился достойными внимания различными коллекциями, кабинетами и в особенности Музеем натуральной истории. К счастью, эти традиции возродились и в послевоенный период. Взамен сгоревшим собраниям стали появляться новые благодаря патриотическим частным пожертвованиям и покупкам раритетов императором. Это был, несомненно, подходящий случай для Лодера предложить свою известную коллекцию Московскому университету. Возможно, в какой-то мере к этому толкало и его относительно скромная материальная защищенность на будущее. Многие из нажитого было утрачено во время войны. *«Потеряв в 1812 году все свое имение, посвятил он (Лодер) себя добровольно в течение шести лет служить в военных госпиталях в Касимове и Москве, коим он управлял и где задолжал»*¹².

Косвенное доказательство этого мы обнаружили в архивных документах, которые показывают, что первая попытка Лодера продать свой анатомический кабинет была еще в 1814 году. Тогда он предлагал его Московскому отделению Императорской медико-хирургической академии, которая была явно заинтересована в этом приобретении и даже обратилась к министру народного просвещения с просьбой в форме пожелания о приобретении «редкостного и важного» анатомического кабинета Лодера, приводя в качестве аргумента и тот факт, что «залы Академии на редкость красивы и удобны для этой цели». Но, конечно, академия помышляла не только о коллекции, украшающей и без того красивые залы, а прежде всего видела в ней хорошее подспорье в обучении студентов. Поэтому президент академии Я. Виллие*, которому хорошо был известен анатомический кабинет Лодера, на условиях конкурсного отбора предлагает сделать запрос каталога альтернативного анатомического кабинета, владельцем которого был Лондонский Королевский лейб-хирург¹³.

¹² ЦГИА Санкт-Петербург, ф. 733, оп. 28, д. 287, л. 2.

* Виллие Яков Васильевич (1768—1854) — баронет, действительный статский советник. По происхождению шотландец, прибыл в Россию в 1790 году, где оставался до конца жизни. С 1806 по 1854 год занимал должность главного военно-медицинского инспектора армии и директора медицинского департамента.

¹³ ЦГИА Москва, ф. 433, оп. 7, д. 23, лл. 1—2 и оп. 38, д. 224, лл. 1—3.

Обсуждение целесообразности и возможности приобретения от Лодера анатомического кабинета для Московского отделения медико-хирургической академии затянулось до 1816 года. И в итоге покупка не состоялась, так как «...при докладе о сем (о приобретении для нужд академии коллекции Лодера) ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ (Александру I), ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО не изъявил Высочайшего на то соизволения, по причине большой цены, требованной Лодером за кабинет его, и потому, что Президент означенной Академии не находил тогда возможным сделать такового приобретения для Академического отделения»¹⁴.

Таким образом, причиной отказа была высокая цена, назначенная Лодером. Она первоначально определялась в 69 500 рублей серебром, что в переводе на ассигнации того времени составляло около 248 000 рублей¹⁵. Но не исключено, что это была лишь только формальная причина, из-за которой купля-продажа не состоялась. Реальная причина могла скрываться и в отношениях Лодера с Виллие. Нами ранее рассмотрена их взаимная переписка в военное и последующее время¹⁶. Внешне ее можно расценивать как образец дипломатии, однако в нюансах — это бесстрастная конкуренция двух поистине самых выдающихся организаторов медицинского дела России в первой четверти XIX столетия.

Лодер не останавливался перед препятствиями и предложил свой кабинет Дерптскому университету, с той лишь разницей, что вместо ранее означенной суммы он был готов обменять его на пожалование ему какой-либо аренды*, но и на то не последовало императорского соизволения¹⁷.

В своей следующей попытке продать коллекцию, на сей раз Московскому университету, Лодер вступил в контакт с князем Андреем Петровичем Оболенским (1769

¹⁴ ЦГИА Санкт-Петербург, ф. 733, оп. 28, д. 287, л. 5.

¹⁵ ЦГИА Санкт-Петербург, ф. 733, оп. 28, д. 287, л. 8.

¹⁶ Salaks J. Justus Christian von Loders Krankenanstalten in Russland. Diss. med. — Berlin, 1991. — S. 24.

* Позже, в 1822 году, согласно архивным данным (ЦГИА Санкт-Петербург, ф. 733, оп. 28, д. 360, лл. 6, 10—11), Лодеру будет пожалована на 12 лет без платежа аренды Лифляндской Губернии Аренбургского Уезда вакантные Мызы Пилла с 12 долями и Капимойзе с 3 долями гаков.

¹⁷ ЦГИА Санкт-Петербург, ф. 733, оп. 28, д. 287, л. 5 и 5 об.

—1852), который с 1817 по 1825 гг. был попечителем университета. Люди типа князя Оболенского явно были симпатичны Лодеру. Своей организаторской деятельностью с конкретными проектами и с их реализацией без проволочек он был сродни самому Лодеру во многих его начинаниях. Такого же мнения был князь и поэтому не случайно выбрал его в число своих ближайших компаньонов и доверял ему осуществление своих планов.

После посещения университета Императором Александром I решили обновить университетские знания. Удачным оказалось назначение князя Оболенского его попечителем. Не будучи ученым, он все же умел ценить, любил и уважал просвещение и ревностно служил ему. Он бодро и деятельно принялся отстраивать университетские здания. В его окружении оказался и Лодер. Здесь мы, пожалуй, теряемся в догадках, было ли это внезапно проявившаяся ностальгия Лодера к столь близкому его сердцу креслу академического профессора, или это был хорошо продуманный план как «наикрасивейшим» образом продать свою коллекцию Московскому университету, или это была, первоначально, просто просьба со стороны князя Оболенского, который видел в нем известного европейского профессора-анатома и хирурга, опытного устроителя учебных клиник в университетах Германии. Скорее всего это было взаимодействие всех выше-названных факторов. Как бы то ни было, именно Лодер возглавил строительство нового анатомического театра Московского университета. Сохранились описания очевидцев о периоде строительства и чертежи этого строения¹⁸. 10 ноября 1819 года состоялось открытие нового анатомического театра на 250 мест для студентов. Попечитель университета восторженно напишет: «...по сделанному Лодером начертанию воздвигнут при Московском Университете Анатомический театр, один из наилучших в Европе...» Лодер, блистая своими познаниями в латинском языке, ознаменовал это событие специально подготовленной речью-лекцией «*Oratio die inaugurationis novi theatri anatomici...*», которая под таким же названием была позже издана на русском и латинском языках в Москве.

¹⁸ Ляликов Ф. Л. Студенческие воспоминания. 1818—1822//Русский архив. — 1875. — Кн. 10. — С. 378.

¹⁹ ЦГИА Санкт-Петербург, ф. 733, оп. 28, д. 360, л. 6.

В ней он с позиций опытного педагога и практика предельно четко формулирует задачи для обучающего и обучающихся анатомии²⁰.

Все это означало, что Лодер в какой-то степени смирился с порядками Московского университета и повернулся к нему лицом. К этому времени еще одно важное обстоятельство стало, пожалуй, самым крепким связующим звеном между ним и университетом: продажа коллекции врачебному отделению университета. Сейчас мы располагаем обширной подборкой архивных документов, позволяющих с хронологической точностью и в деталях достоверно воспроизвести это событие, тем самым внести ясность в столь часто цитируемый факт, до этого подтвержденный лишь единичными литературными источниками.

Очевидно, не позднее весны 1818 года Лодеру удалось привлечь внимание князя Оболенского к его анатомическому кабинету и посоветовать купить его на весьма выгодных условиях. Князь, внесший новые веяния в университетскую жизнь, увлекся этой идеей и поэтому восторженно и рассудительно выступал на стороне Лодера: «...университет лишился в 1812 году всех учебных своих сокровищ, которые доставляли и пользу учащимся, и служили оному украшением и предметом любопытства для путешественников, а потому в Лодеровом кабинете Университет нашел бы весьма хорошую замену своей потери...»²¹. Мы не исключаем и ту возможность, что уже в самом начале этого проекта Лодер, а в равной степени и князь Оболенский, нашли еще одного покровителя этой идеи в лице министра духовных дел и народного просвещения — князя Александра Николаевича Голицына (1773—1844) и заручились его поддержкой, что во многом предопределило успех. Но основным «козырем» в этой щепетильной «игре» оставался сам Лодер. В силу его все еще натянутых отношений с университетом он принимает удачное компромиссное решение посвятить себя безвозмездно лекторской службе в университете на условии, что он будет пользоваться при этом для большей наглядности свой же анатомический кабинет.

²⁰ Лодер Хр. Речь о пользе анатомии и о лучшем способе учить и учиться оной. — Москва, 1819.

²¹ ЦГИА Санкт-Петербург, ф. 733, оп. 28, д. 287, лл. 8—9.

Так, всё красиво обставив, 3 июня 1818 года попечитель Московского университета князь Оболенский докладывал министру духовных дел и народного просвещения, что Лодер

«...известный в Европе Хирургический Кабинет свой соглашается уступить Московскому университету за самую умеренную цену и на весьма выгодных условиях: требует, чтобы в пять лет по равным частям, начиная с 1819 года, выдано было ему за кабинет его сто тысяч рублей и уплачены были при покупке двадцать пять тысяч рублей, издержанных им на перевоз одного из чужих краев в С. Петербург. ... Вместе с сим Г. Лодер предлагает услуги свои Университету, три или четыре часа в неделю жертвовать для преподавания по Кабинету своему лекций анатомии, физиологии и хирургии без всякого возмездия, не нарушая, впрочем, порядка обыкновенных лекций Профессоров Медицинского отделения. Таким образом, с приобретением славного кабинета, Московский Университет приобрел бы славнейшего в Европе Анатомика-Хирурга, драгоценнейшие инструменты необходимые для вящих успехов в медицинских науках, толико нужных для блага нашего Отечества... Всепокорнейше и убедительнейше прошу Ваше Сиятельство, употребить начальническое свое предстательство о покупке сего Кабинета для Московского Университета на счет училищных сумм. Перевозку же его из С. Петербурга, Университет возьмет на свой счет. Надеюсь с Божией помощью открыть будущие курсы учения в возобновленном главном Университетском корпусе, я весьма бы обрадовался приобретению сего Кабинета и как можно лучше и выгоднее постарался бы расположить его в новых Университетских залах...»²²

На это 26 июня 1818 года последовало одобрение Главного Правления училищ министерства с просьбой к министру испросить императорского соизволения на приобретение кабинета, с назначением к выдаче уже в 1818 году 25 000 рублей, а прочие 100 000 руб. распределить к уплате по равным частям на шесть лет без процентов²³.

Небезынтересен и тот факт, что в вышеприведенном документе ничего не сказано о разрешении Лодеру читать безвозмездно курс лекций в Московском университете. На первый взгляд само собой разумеющийся факт в действительности мог содержать много противотолков. Возможное появление Лодера в университете даже на указанных условиях было неоднозначно для профессуры Медицинского отделения. И если, с одной стороны, приход Лодера приветствовал такой известный и влиятельный профессор того времени, как Матвей Яковлевич Мудров (1776—1831), то не менее авторитетный профессор Е. О. Мухин и его окружение противились этому. Что

²² ЦГИА Санкт-Петербург, ф. 733, оп. 28, д. 287, лл. 1—2.

²³ ЦГИА Санкт-Петербург, ф. 733, оп. 28, д. 287, л. 5.

доминировало в занятой Мухиным позиции в этом вопросе? Его профессиональное честолюбие и опасения перед достойнейшим соперником? Но как в таком случае расценивать тот факт, что уже с 1818/19 учебного года Мухин перестал читать курс анатомии, оставляя за собой только физиологию и судебную медицину, а преподавание анатомии, хотя и по руководству Мухина, в том году перешло к лектору Петру Герасимовичу Воскресенскому (1793—1853). Во всяком случае этот пример наглядно показывает, как непросты были отношения в учебных кругах России между отечественными и иноземными авторитетами, со всей из этого вытекающей гаммой противоречий: от слепого преклонения и до открытого сопротивления всему «заморскому». Забегая вперед лишь можем сказать, что антагонизм отношений Мухина и Лодера имел серьезные последствия, что, по мнению Третьякова, привело к образованию на медицинском факультете университета двух партий: «лодеро-мудровской» и «мухинской»²⁴. Но мы еще вернемся к этому спору.

Вторая немаловажная деталь, которая требовала специального разрешения императора на допущение Лодера в университет, — было его нахождение в Императорской Российской службе в звании лейб-медика и чине действительного статского советника. Все это вместе взятое составляло князя Оболенского (а быть может, и не только его) взвешенно и деликатно подходить к решению этого вопроса, рискуя обратить на себя недовольство одной из сторон. Возможно, в этом разгадка того, что его письмо к министру народного просвещения, которое мы цитируем ниже, было отправлено с полугодовой задержкой 20 января 1819 года, а не вместе с просьбой от 3 июня 1818 года.

«...осмеливаюсь обратить внимание Вашего Сиятельства на одно обстоятельство, могущее принести Университету по Медицинской части немаловажную пользу. Один из славнейших анатомиков в Европе, Действительный Статский Советник и Лейб-медик Лодер, усердствуя к пользам Московского университета, объявил мне желание употребить познания свои учащимся в оном по медицинской части без всякого жалования, располагаясь жить в Москве, когда анатомический его Кабинет будет принадлежать Московскому университету. Отдавая полную справедливость патриотическому подвигу

²⁴ Третьяков М. П. Воспоминания М. П. Третьякова Императорского Московского университета в 1799—1830 г.//Русская старина. — 1892. — Т. 8. — С. 344.

Г. Лодера и чувствуя с какой пользой может он употреблен быть в Московском университете по Врачебному отделению, я покорнейше прошу Ваше Сиятельство исходатайствовать на сей случай Высочайший рескрипт, в котором бы ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР изволил изъяснить, что по пребыванию в Москве Г. Лодера, благоугодно ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ, чтобы он по усмотрению Попечителя Московского Университета употреблен был в оном по Врачебному Отделению. Не находя другого средства привлечь Г. Лодера к Московскому Университету, предаю все изъясненное мной в благоусмотрение Вашего Сиятельства».²⁵

Министр вскоре докладывал императору и, чтобы придать больший вес своей просьбе, он среди прочего приводит свой очень убедительный аргумент: «Знаменитый сей Кабинет не только не уступает известному Валтеровскому Кабинету, за который Прусским Правительством заплачено сто тысяч талеров, но еще числом вещей превосходит оный несравнительно»²⁶. Высочайший Рескрипт императора не замедлил себя ждать, и уже 8 февраля 1819 года под его собственноручной подписью стояло:

«...Я одобряю все сие распоряжения и повелеваю привести оное в действие, желая тем доставить Московскому Университету способ, чрез сие знаменитое Анатомическое собрание, облегчить и усовершенствовать приобретение сведений в Медицинских науках, и вознаградить потерю, претерпенную Университетом в учебных пособиях. А как вместе с сим Действительный Статский Советник Лодер, усердствуя к пользам Университета, изъявил желание сообщить познания своим учащимся в оном по Медицинской части без получения за то жалования, то принимая с благоволением таковое усердие его, предоставляю вам употребить его к сему полезному делу по распоряжению Попечителя Московского Университета».²⁷

Этот документ вносит ясность, когда же на самом деле Московский университет стал официальным обладателем анатомического кабинета Лодера. Однозначно, что факт покупки можно считать свершившимся только с 8 февраля 1819 года, когда на то последовало императорское согласие. Это же подтверждает и выписка из журнала Главного правления училищ от 13 марта 1819 года, в которой сказано: «Слушан Высочайший Рескрипт, данный на имя Господина министра Духовных Дел и Народного Просвещения в 8 день минувшего февраля, о приобретении для Московского университета у лейб-медика, действительного статского советника Лодера, Анатомического

²⁵ ЦГИА Санкт-Петербург, ф. 733, оп. 28, д. 287, лл. 6—7

²⁶ ЦГИА Санкт-Петербург, ф. 733, оп. 28, д. 287, л. 8.

²⁷ ЦГИА Санкт-Петербург, ф. 733, оп. 28, д. 287, л. 10.

кабинета его за сто двадцать пять тысяч рублей...»²⁸. Ряд других документов убедительно доказывает то же самое²⁹. Поэтому утверждения ряда авторов (Соколов, Карузин, Вавилов, Бочаров, Гончаров, Насонкина, Кацнельбоген, Куприянов, Татевосян и др.), что коллекция была приобретена университетом уже в 1818 году, является пространенным заблуждением, не соответствующим истине, и в данном случае авторами желаемое принимается за действительное.

Так, росчерком пера императора Александра I была для Лодера успешно закончена, потребовавшая пятилетнего терпения и выдержки, продажа анатомического кабинета. Это же и определило его дальнейшую судьбу преподавателя высшей школы — в звании почетного члена Университета, открывшего в нем безвозмездную кафедру анатомии начиная с 1819/20 учебного года³⁰. Это заставляет нас и здесь отметить хронологические погрешности, допущенные Вавиловым, Бочаровым и Гончаровым, которые пишут: «...в 1818 г. Ю. Х. Лодер приступил к заведованию кафедрой анатомии»³¹.

Какими путями и когда анатомический кабинет Лодера был перевезен из Германии в Россию, к сожалению, нам не известно. Не позднее 1819 года он был в Санкт-Петербурге и чуть более чем через месяц со дня обнаружения рескрипта императора Александра I он был доставлен в Москву. Этот ценнейший груз сопровождал сам князь Оболенский³². Его отчет министру просвещения, сделанный 24 марта 1819 года, окончательно вносит ясность, когда же на самом деле эта коллекция поступила в распоряжение университета: «Честь имею донести Вашему Сиятельству что, купленный для Московского Университета у лейб-медика, действительного статского советника Лодера Анатомический его кабинет, на прошедшей неделе доставлен в Москву благополучно. Ящики поставлены в нескольких комнатах первого этажа, и Х. Лодер займется в скором времени вскрытием оных и

²⁸ ЦГИА Санкт-Петербург, ф. 733, оп. 28, д. 287, л. 18.

²⁹ ЦГИА Санкт-Петербург, ф. 733, оп. 28, д. 287, лл. 24, 32.

ЦГИА Москва, ф. 418, оп. 116, д. 43, л. 1.

³⁰ Шевырев С. — Указ. соч., стр. 440.

³¹ Бочаров В. Я., Гончаров Н. И. Из научного наследия Ю. Х. Лодера // Арх. анат. гистол. и эмбриол. — 1979. — № 7. — С. 108.

³² ЦГИА Москва, ф. 418, оп. 116, д. 43, л. 2.

приведением всего в них заключенного в надлежащий порядок и приличное расположение»³³. Содержание другого очень похожего документа дополняет сказанное тем, что для коллекции были отведены «пристойные комнаты главного университетского корпуса», и что Лодеру предстоит большая работа и потребуются «...не малого времени, ибо большая часть банок должна быть переменена и налита свежим спиртом»³⁴. Поэтому по просьбе Лодера в Москву был приглашен его бывший слушатель и сотрудник еще со времен преподавания в Иенском университете Карл Федорович Гумбург, который в течение первых трех лет работы проректором в Московском университете пополнял коллекцию Лодера более чем 350 новыми препаратами.

Мы не должны забывать, что Лодер теперь был крепко связан с Московским университетом и помимо постоянного приведения в порядок и расстановки своей коллекции большую часть своей энергии и времени он отдавал преподавательской работе, которую он сам вызвался безвозмездно исполнять. Несмотря на то, что Лодер занимал особое положение в университете, он стоял как бы над врачебным отделением, отчитывался только перед попечителем и держался высокомерно, но несомненно он оставался крупнейшим специалистом своего дела. Сохранилось много положительных отзывов о его лекциях. Их посещали не только студенты различных факультетов, среди которых был и Николай Иванович Пирогов (1810—1881), но и известные профессора университета, такие, как М. Я. Мудров и др. В опубликованных выступлениях о публичных лекциях ученого говорилось: «Почетный член университета Лодер, ревнуя общей пользе, добровольно будет читать анатомию и во время самого показывания частей человеческого тела не только будет изъяснять их положение, строение и наружный вид оных частей, но покажет их пользу, присоединяя к тому все, что только в прочих частях медицины, особенно физиологии, хирургии, повивальном искусстве и судебной медицине может быть объяснено посредством анатомии»³⁵.

³³ ЦГИА Санкт-Петербург, ф. 733, оп. 28, д. 287, л. 17.

³⁴ ЦГИА Санкт-Петербург, ф. 733, оп. 28, д. 287, л. 23.

³⁵ Кацнельбоген А. Г. Общественно-медицинская деятельность Х. И. Лодера // Клини. мед. — 1982. — № 6. — С. 119.

Со своей стороны, к многочисленным хорошо известным восторженным описаниям, мы можем добавить ранее неопубликованную характеристику Лодеру, беспристрастно показывающую, что значит для университета появление в нем Лодера, датируемую 20 февралем 1822 года: «*Со дня открытия Анатомического театра третий год Лодер преподает в оном каждый день по два часа анатомию. В воскресные дни и табельные праздники освобождает он от сей обязанности студентов, но сам нередко и сии дни трудится приготовлением лекций. Анатомия, сия обширная наука, которой едва одна часть оканчиваема была в академический год при Московском университете, ныне преподается и оканчивается в один год превосходнейшим образом при всем ее пространстве. Таким образом, медицинские студенты имеют случай усовершенствоваться в сей науке, проходя оную несколько раз сряду*»³⁶.

Но не следует считать, что сам Лодер был удовлетворен своим положением и академическим процессом в университете. С каждым годом углублялись противоречия между ним и Мухиным. К марту 1827 года их взаимное недопонимание на столько накалилось, что Лодер был вынужден звать о помощи министра просвещения. Не подбирая эпитетов, он открыто писал, что «*противники мои, предводитель коих Мухин... потеряли совершенно из виду то уважение, на которое я, несомненно, имею право как по летам и ученому званию моему, так и по неоспоримым заслугам, оказанным мною здешнему Университету*»³⁷. Терпению пришел конец, когда он в июле 1827 года обратился через министра к императору с просьбой об увольнении:

«...изволите принять решительное мое прошение об увольнении меня от службы в Университете, который оказал мне столь явные препятствия во всех стараниях моих к его пользе, позволил себе взведение на меня несправедливых обвинений к унижению моему, и с таким пренебрежением поступал со мною, что ни одно из законных представлений не было уважено. При таковых отношениях моих с Университетом, могу я и впредь опасаться подобных действий, не только отравляющих остаток лет моих, но и лишаящих меня радостного утешения быть полезным отечеству... Учащиеся не могут иметь должного уважения, ни доверенности к тому преподавателю, который сословием службы своей велегласно оскорблен и обижен...»³⁸.

³⁶ ЦГИА Санкт-Петербург, ф. 733, оп. 28, д. 360, л. 6.

³⁷ ЦГИА Санкт-Петербург, ф. 733, оп. 29, д. 116, л. 6.

³⁸ ЦГИА Санкт-Петербург, ф. 733, оп. 29, д. 116, лл. 78—79.

Надо отдать должное, император принял живое участие в этом «расследовании» и собственноручно на докладной записке написал «передать Министру Народного Просвещения и узнать через него, от чего выходит». После последующего разъяснения он просил уговорить своего лейб-медика продолжать «полезные труды» при университете и приказал попечителю университета от своего имени, «чтобы никто не смел обижать Лодера»³⁹. Не следует считать, что Лодер рассчитывал на такую реакцию императора. Скорее он, действительно, искренне желал своего увольнения от этой службы, не находя в ней того удовлетворения и понимания, которые сопутствовали ему в Иене и Галле. Но воля императора для него по-прежнему оставалась превыше собственных прихотей. Заручившись, таким образом, высочайшим покровительством и в надежде на обещанные уступки, но уже с меньшими иллюзиями в отношении университета, он добросовестно продолжил работу. В «Московских ведомостях» 21 сентября 1827 года в разделе объявлений Московского университета о лекциях во врачебном отделении стояло: *«Почетный член Юст Христиан Лодер, его императорского Величества лейб-медик, по собственному желанию преподает ежедневно в 12-м часу анатомию тела человеческого и упражняет в рассечении трупов»*⁴⁰. Император не считал затруднением удостоить Лодера благодарности, еще раз собственноручно надписав на докладной записке: «Объявить Лодеру спасибо»⁴¹.

К сожалению, это была не единственная конфликтная ситуация в отношениях Лодера и Мухина. Их взаимное противостояние продолжалось и далее. Годом позже, 1 августа 1828 г., Мухин представляет в Совет Императорского Московского Университета «Мнение»⁴² — письменный доклад о преподавании анатомии в университете. Не упоминая конкретных имен, тем не менее очевидно, что это суждение прежде всего было нацелено на Лодера и его метод преподавания анатомии.

Основное содержание жалобы заключалось в том, что, по мнению Мухина, студенты недостаточно упражняются на трупах и преподавание анатомии ведется на латинском языке: *«...хотя трое преподают*

³⁹ ЦГИА Санкт-Петербург, ф. 733, оп. 29, д. 116, лл. 55—56, 85—86.

⁴⁰ Московские ведомости, 76, стр. 3007, 21.09.1827.

⁴¹ ЦГИА Санкт-Петербург, ф. 733, оп. 29, д. 116, л. 85.

⁴² ЦГИА Санкт-Петербург, ф. 733, оп. 29, д. 116, лл. 104—106.

анатомию на латинском языке..., многие из студентов оказали успехи в анатомии неудовлетворительные. Причина тому, по мнению моему, та, что учащие почти никогда не занимают учащихся своеручным упражнением над трупами...».

Возражения Лодера не заставили себя долго ждать: «Если б в здешнем Университете одна и та же наука (а именно анатомия) действительно преподаваема была тремя учащими, как утверждает Г. Мухин, то сие не только не причинило бы вреда Университету, напротив того принесло бы оному пользу и славу. В известных иностранных Университетах, как то, в Берлине, Бонне, Вене, Галле, Геттингене, Лейпциге, Павии, Париже и проч., обыкновение сие существует и служит для преподающих побуждением к соревнованию. Но, к сожалению, упомянутое уверение Г. Мухина ложно, ибо здесь я только один преподаю курс анатомии, то есть всех частей тела человеческого, шесть раз в неделю по два часа...» и далее указывает, что Терновский читает «...только науки о костях, связках и мышцах, для приготовления к моим лекциям и повторения начинающим...», а П. П. Эйбродт «...будучи моим помощником, читал лекции во время моей болезни и в моем отсутствии...».⁴³ Лодер опровергает и другое заявление Мухина: «Если под практическим наставлением в анатомии Г. Мухин имеет трупоразъятие, то во все 9 лет, в течение коих нес я добровольно трудную и со многими заботами и неприятностями сопряженную обязанность преподавать анатомию не было недостатка в помянутом наставлении. ...При всем однако неусыпном старании моем и любви к сей науке, я мог бы принести еще вящую пользу студентам, ежели бы каждую зиму не было недостатка в трупах».⁴⁴

Мухин открыто противился преподаванию анатомии на латинском языке, что недвусмысленно отражается и в вышеупомянутом «Мнении»: «...преподавание анатомии на русском языке не только облегчает успехи учащихся и обогащает ум их основательными и прочными познаниями сей науки, но и prepares их к легчайшему и удобнейшему понятию в них врачебных наук, к успешному производству хирургических операций и правильнейшему суждению при осмотре скоропостижно умерших тел».

Лодер, в отличие от Мухина, был сторонником классического преподавания анатомии и читал свои лекции на латинском языке, что не было исключением. Множество предметов, таких, как терапия, хирургия, повивальное искусство, фармация и др., на врачебном отделении читались на латинском языке, но «на анатомические лекции Лодера стекались студенты со всех факультетов, привлекаемые в его аудиторию сколь занимательностью изложения, столь же и изяществом латинской речи».⁴⁵

⁴³ Там же, лл. 109—120.

⁴⁴ Там же, лл. 111—112.

⁴⁵ Райков Б. Е. Русские биологи-эволюционисты до Дарвина. — М., 1951. — Т. 2. — С. 375.

Свою досаду и непонимание на замечание Мухина о преимуществах преподавания анатомии на русском языке Лодер убедительно аргументирует: «Латинский язык для каждого врача совершенно необходим, не только потому, что на сем языке изданы и издаются отличнейшие учебные творения, но и для того чтобы быть в состоянии писать клинические книги при постелях больных в больницах, в госпиталях и на вольной практике, изъясняться при врачебных совещаниях, где всегда латинский язык употребляется. Сей язык равно необходим для писания рецептов и для употребления при описаниях болезней, ран судебных вскрытий, для известных и во всеобщее употребление введенных названий частей. Я не удивился бы, если б услышал, что учитель какой-либо низшей хирургической школы почитает латинский язык излишним, но для меня сколько неожиданно, столько и странно, что профессор Университета, места, где преподаются высшие науки, а следовательно, образуются ученые врачи, хочет искоренить язык всех ученых Европы. Если бы даже я мог совершенно свободно изъясняться на российском языке, то и тогда бы читал лекции свои на латинском, дабы чрез то самое удалить от изучения анатомии таких слушателей, кои намерены быть лишь только поверхностными медицинскими ремесленниками»⁴⁶.

Возвращаясь, собственно, к роду занятий Лодера по созданию музея в университете на основе его Анатомического кабинета, но уже в контексте с вышесказанным, мы видим, что эта работа весьма затянулась. По замыслу Лодера коллекция была разделена на две части по назначению и расположению. В так называемом Большом Кабинете, состоящем из двух комнат, он намерен был поместить только те препараты, которые «в особенности по отличной отделке и редкости своей заслуживают внимание, или имеют цену в отношении к науке». Для каждого уникального препарата летом 1823 года были изготовлены стеклянные шкафы и витрины. Стремясь расположить препараты тематически, он заботился и о том, чтобы они образовали собою некоторую симметрию и делали для глаз посетителей приятный вид, а по сему случаю надобно некоторые препараты, находившиеся до сего времени в стеклянных банках, из оных вынуть и хранить сухими, другие же, которые для сбережения банок и спирту, хранились сухими, поставить в банки и опустить в спирт, ежели сие давало им лучший вид, некоторые банки наполнить новым прозрачным спиртом, а попортившиеся препараты исправить или совершенно уничтожить и заменить их лучшими и важнейшими». Вторая часть коллекции или Малый Кабинет, находившийся в прианатомическом амфитеатре должен был использоваться в

⁴⁶ ЦГИА Санкт-Петербург, ф. 733, оп. 29, д. 116, л. 111.

качестве наглядных пособий во время лекций по анатомии. Но эта новая и уже окончательная расстановка требовала больших затрат во времени, чтобы расположить коллекцию в соответствии с ее каталогом, при этом сохраняя удачное визуально-эстетическое оформление.

Таковы были намерения Лодера в начале 1824 года, когда он определил для себя и согласовал с попечителем оптимально удобный и визуально приятный план расположения коллекции-экспозиции. Это не значит, что до этого Анатомический кабинет Лодера был мертвым грузом. Напротив, он успел и в стенах Московского университета сослужить на пользу в обретении медицинских знаний многим студентам, привлекал внимание ученых и любопытных. Для Лодера, большого знатока своего дела и коллекционера, это было отдушиной. Он не стесняется и не прячет свое удовлетворение по этому поводу в письме 12 марта 1824 года министру народного просвещения Александру Семеновичу Шишкову (1754—1841): *«Настоящее учреждение Анатомического Кабинета Московского Университета, который Ваше Высочайшее достоинство изволили удостоить своим посещением, имело счастье заслужить не только Ваше одобрение, но и всех иностранных посланников и ученых, из числа последних я только упомяну Господ Лейб-Медиков Крейтона, Сутгофа, Рюля, Триниуса, и Господина Действительного Статского Советника Шторха*.* Даже высочайшие Особы, как то: ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР, Ея ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ Елена Павловна, и Его Королевское Высочество Герцог Виртембергский Александр благоволили изъявить в отношении сего Кабинета Свое удовольствие. Все сие принимаю я за величайшую и приятнейшую себе награду, какую только мог получить труд, употребленный мною при составлении и устройстве Кабинета в продолжении

* Крейтон Александр Александрович (1763—1856). Состоял в Российской службе лейб-медиком с 1804 по 1819, затем вернулся на родину в Англию. Сутгоф Николай Мартынович (1765—1836), действительный статский советник, лейб-медик, акушер. Рюль Иван Федорович (1788—1846), действительный статский советник, лейб-медик, Триниус Карл Антонович (1778—1844), баронет, лейб-медик, статский советник, академик Императорской СПб. Академии Наук, ботаник, Шторх Андрей (Генрих) Карлович (1766—1835), тайный советник, вице-президент и ординарный академик Академии наук, политэкономист и статистик.

40 или более лет, и ласкаюсь надеждой, что сим самым память обо мне сохранится на долгое время в сей столице и по смерти моей»⁴⁷.

За время пребывания Лодера в Московском университете им был издан первый том нового руководства по анатомии «*Elementa anatomiae humani corporis*» (1822). Кроме того, дважды был издан каталог его анатомической коллекции (1823, 1826). Лодер продолжал работать до 1831 года, когда состояние его здоровья ухудшилось, и он был вынужден прекратить чтение лекций. Его дело продолжили его ученики Петр Петрович Эйнбродт (1802—1840) и Алексей Григорьевич Терновский (ум. 1852).

JUSTUS CHRISTIAN VON LODER (1753—1832) AND THE MOSCOW UNIVERSITY

J. SALAKS

Riga

Summary

Born in Riga J. Ch. von Loder, after having returned from Germany back to Russia was head of the chair of anatomy at the Moscow University from 1819 to 1831. Up to that time he was busy with the building of the new Anatomical theatre at the University of Moscow, which was being built after his project. The famous collection of anatomical preparations was bought in 1819 by the emperor Alexander I and given as a gift to the Moscow University. Loder busied himself with the arrangement of the preparations in the Anatomical Theatre, published a catalogue and used it for demonstration to students. All the years while he stayed at the university Loder was delivering to the students courses of the anatomy. Not with standing his success as a lecturer, he himself was not satisfied with his status and the way of teaching at the university which led to strained relations between him and the head of the university as well as with some professors. The difference in views was particularly conspicuous in the manifold academic arguments between Loder and E. Mukhin which led in 1827 to Loder's handing in his resignation. Only after the emperor himself took the matter in his hands Loder conceded to stay at the university and continued lecturing till 1831, when he left on grounds of poor health.

Dr. med. Juris Salaks

Pauli Stradini Museum historiae medicinae

Leona Paegles iela 1,

PDP LV-1360, Riga, Latvia

⁴⁷ ЦГИА Санкт-Петербург, ф. 733, оп. 29, д. 116, лл. 1—4.